

LE CANARIEN

LIVRE
DE LA CONQUÊTE ET
CONVERSION DES CANARIES
(1402—1422)

LE CANARIEN

LIVRE
DE LA CONQUÊTE ET
CONVERSION DES CANARIES
(1402—1422)

Par Jean DE BETHENCOURT
GENTILHOMME CAUCHOIS

PUBLIÉ D'APRÈS LE MANUSCRIT ORIGINAL

ROUEN
CHEZ CH. MÈTÈRIE

M DCCC L XXIV

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ — ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

КАНАРЕЦ

или Книга
о завоевании Канарских островов
и обращении их жителей
в христианскую веру
Жаном де Бетанкуром, дворянином из Ко

составленная монахом Пьером Бонтье
и священником Жаном Ле Веррье

*Перевод со среднефранцузского
И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной*

Издательский дом ГУ ВШЭ

Москва 2009

УДК 913
ББК 63.2
К19

Вступительные статьи, комментарии, примечания
и составление указателей *И.В. Кривушина* и *Е.С. Кривушиной*

ISBN 978-5-7598-0618-9

© Кривушин И.В., Кривушина Е.С.,
перевод со среднефранцузского,
вступительные статьи,
комментарии, примечания,
составление указателей, 2008
© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Жан де Бетанкур и его время	6
«Канарская книга» в истории и литературе	28
От переводчиков	42
Список сокращений	43
Специальные термины	44
Канарец, или Книга о завоевании Канарских островов и обращении их жителей в христианскую веру Жаном де Бетанкуром, дворянином из Ко, составленная монахом Пьером Бонтье и священником Жаном Ле Веррье	45
<i>Примечания</i>	160
Приложение. Пьер Бержерон. Трактат о мореплавании и о новейших путешествиях с целью открытия и завоевания, <совершенных> главным образом французами (гл. VI—VII, XXXII—XXXIV)	207
<i>Примечания</i>	234
Указатель имен	249
Указатель географических названий	262
Библиография	276

*Посвящается
Аполлону Борисовичу Давидсону*

ЖАН ДЕ БЕТАНКУР И ЕГО ВРЕМЯ

I

В XV в. мир вступил в новую эпоху — эпоху Великих географических открытий и колониальной экспансии, которая захватит все позднее Средневековье и Новое время и завершится только в начале XX в. Этот исторический поворот оказался критической точкой, исходным пунктом движения человечества к современности. Он инициировал процесс глобализации, принципиально изменив характер человеческой истории — прежде полностью или относительно замкнутые локальные цивилизации начали образовывать общемировую систему в экономическом, политическом и социокультурном измерении. Европейцы постепенно освоили и поставили под свой контроль океаны и, разделив планету на несколько колониальных империй, связали с центром — Западом — все народы Земли.

К началу XV в. христианская Европа была рядовой цивилизацией, далеко не самой богатой и могущественной. Но после первых робких попыток исследовать северо-западное побережье Африки она вдруг в конце столетия делает мощный рывок через Атлантический и Индийский океаны, прорываясь в Индию и открывая Америку. Этот рывок можно считать самым крупным достижением средневекового Запада, ибо мало найдется других событий в истории, столь кардинально повлиявших на судьбы человечества.

Причины заморской экспансии европейцев следует искать на европейской почве, ибо именно Европа осваивала остальной мир, и нет никаких оснований говорить о каком-то встречном движении со стороны других цивилизаций. Ни арабы, ни китайцы, располагавшие необходимыми техническими возможностями для дальних морских путешествий¹, никог-

---

¹ Например, арабы использовали магнитный компас и «камал» (прибор, позволявший ориентироваться по звездам и определять широту и долготу), треугольные

да не пытались осуществить их как целенаправленный и долговременный проект. Интерес исламской цивилизации к заморской экспансии ограничивался стремлением обнаружить экзотические страны со сказочными богатствами, которое двигало некоторыми арабскими мореплавателями, пытавшимися в так называемый «исламский век географических открытий» углубиться в Атлантику (напр., гранадцы Хашхаш ибн Саед ибн Асвад в 889 г. или ибн Фаррух в 999 г.). Арабский мир не испытывал существенной потребности в такой экспансии и поэтому не пытался сделать ее продолжением великой завоевательной эпопеи периода раннего Средневековья. Точно так же как и открытия викингов на рубеже I и II тыс., достижения арабских мореплавателей не стали цивилизационным достоянием: они не привели к подлинному открытию ни Атлантического океана, ни тем более Американского континента, т.е. к открытию, под которым подразумевается «присвоение» нового пространства в той или иной форме — от создания постоянных линий коммуникаций до включения его в сферу влияния «своей» цивилизации в целом. Вот почему, располагая людьми типа ибн Батуты, исламский мир не породил ни своих Колумбов, ни своих Энрике Мореплавателей.

Так почему же Европа периода позднего Средневековья ощутила потребность в открытии новых земель и их колонизации?

Человечество редко осознает возможные последствия того, что оно делает. Эту максиму можно с полным правом отнести и к начальному этапу Великих географических открытий и колониальных захватов. Начиная свою великую эпопею, европейцы не ставили перед собой «глобализационных» целей — завоевать весь мир, превратить его в единую торгово-экономическую систему, тем более что они не имели представления о подлинных размерах этого мира и его географической конфигурации. Единственный мотив, который мы можем с большими оговорками назвать «глобализационным», — стремление познать пределы земной тверди, проникнуть в неизведанные моря и земли — ни в коей мере нельзя назвать основным ни на одном этапе заморской экспансии. Конечно, сам универсалистский характер христианства, идея всемирной миссии, отчетливо звучавшая еще в Новом Завете, в значительной степени образуют культуру-

---

паруса, большие трехмачтовые корабли. Они составляли достаточно подробные навигационные карты. См.: *Hobson J.M.* The Eastern Origins of Western Civilisation. Cambridge, 2004. P. 141; *Tibbets G.R.* Comparisons between Arab and Chinese Navigational Techniques // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 36. 1973. No. 1. P. 105—106.

ный компонент глобализационной тенденции. Но его востребованность в момент начала эпохи глобализации была обусловлена иными, совсем не «глобалистскими» мотивами и потребностями средневековой Европы.

Объяснение того, почему Запад в начале XV в. открыл эру заморской экспансии, следует искать в предшествующем столетии. По сути дела, главной причиной этого выбора стал тяжелейший кризис, поразивший европейские страны в XIV в.² Он был вызван и усугублен, с одной стороны, природными и биологическими факторами — начало Малого Ледникового периода³, эпидемии (прежде всего занесенная с Востока Черная смерть 1348 г.)⁴, а с другой — фундаментальной экономической уязвимостью средневекового мира, необычайно чувствительного к любому внешнему потрясению, которая была порождена в первую очередь ригидностью феодальной системы, низким уровнем технического развития и низкой производительностью (урожайность от сам-2 до сам-7), слабостью государства как экономического агента. Длительный демографический рост, начавшийся около 1050 г., и связанный с ним рост экономики привели в итоге к истощению ресурсов (прежде всего почв)⁵, резкому превышению спроса над предложением, бешеному скачку цен и инфляции, особенно с 1285 г., и как следствие обострению социальных антагонизмов. На рубеже XIII и XIV вв. Европа вступает в период эко-

---

² О кризисе XIV в. в целом см.: Before the Black Death: Studies in the 'Crisis' of the Early Fourteenth Century // Ed. B.M.S. Campbell. Manchester, 1991; *Iradiel Murugarren P.* La crisis medieval // *Historia de España*. Т. 4: De la crisis medieval al Renacimiento / Ed. A. Dominguez Ortiz. Barcelona, 1988. P. 9—296; *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 6: c. 1300—c. 1415 / Ed. M. Jones. Cambridge, 2000; *Waley D.* Later Medieval Europe: 1250—1520. London, 2001.

³ О Малом Ледниковом периоде и его последствиях см.: *Fagan B.M.* The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300—1850. New York, 2001; *Grove J.M.* The Little Ice Age. London, 2003.

⁴ О происхождении этой пандемии см.: *Cohn S.K.* The Black Death Transformed: Disease and Culture in Early Renaissance Europe. Oxford, 2003. P. 81, 336; *Idem.* The Black Death: End of a Paradigm // *The American Historical Review*. Vol. 107. 2002. P. 703—738; *Dols M.W.* The Second Plague Pandemic and Its Recurrences in the Middle East: 1347—1894 // *Journal of the Economic Social History of the Orient*. Vol. 22. 1979. No. 2. P. 170—171; *Kelly J.* The Great Mortality. New York, 2005. P. 295. О ее последствиях см.: *Bulst N.* Der schwarze Tod. Demographische, wirtschafts- und kulturgeschichtliche Aspekte der Pestkatastrophe von 1347—1352. Bilanz der neueren Forschung // *Saeculum*. Bd 30. 1979. S. 45—67; *Herlihy D.* The Black Death and the Transformation of the West. Cambridge; London, 1997.

⁵ См.: *Bennett J.M., Hollister C.W.* Medieval Europe: A Short History. New York, 2006. P. 326.

номической стагнации, а затем (после Великого голода 1315—1317 гг.⁶) — в период глубокого экономического спада.

История Европы XIV в. представляет собой серию периодических катастроф, спровоцированных природными бедствиями, от которых средневековая экономика оправляется медленно и мучительно⁷. После Великого голода 1315—1317 гг. Северной Европе удается восстановить прежний уровень производства зерна только к середине 1320-х гг. Но ненадолго. «Благополучные» годы, для которых характерна только нехватка хлеба, с роковым постоянством сменяются неурожайными, вызывающими массовый голод. Неурожай поражают Францию в 1304—1305, 1310, 1315—1317, 1330—1334, 1349—1351, 1358—1360, 1371, 1374—1375, 1390 гг., а Англию — в 1315—1317, 1321, 1351, 1369 и 1390 гг. Голод чередуется со вспышками эпидемий, самая страшная из которых — чума 1348 г. — уносит, по разным оценкам, от 30 до 60% населения Европы⁸.

Результатом голода и эпидемий стал резкий демографический спад, особенно в период 1348—1420 гг.⁹ По приблизительным подсчетам исследователей, население Германии за это время сократилось на 40%, Прованса — на 50%, Англии — на 70%¹⁰. Если в 1300 г. население Европы составляло около 73 млн человек, то к 1400 г. оно снизилось до 43 млн. Почти в два раза уменьшилась средняя продолжительность жизни. Это хорошо видно на примере Англии, где в 1276 г. она достигала 35 лет, в 1301—1325 гг. — 30, а в 1348—1375 гг. едва превышала 17 лет.

Голод затронул в первую очередь наиболее уязвимую в физическом и экономическом плане социальную категорию — крестьянство, составлявшее приблизительно 95% населения тогдашней Европы. Эпидемии же в особой степени ударили по городам, где скученность жителей и антисанитария создавали благоприятные условия для их быстрого распространения. Итогом стало значительное уменьшение трудовых ресурсов, сокращение

---

⁶ О Великом голоде, унесшем от 10 до 25% европейского населения, см.: *Jordan W.C. The Great Famine: Northern Europe in the Early Fourteenth Century.* Princeton, 1996; *Kershaw I. The Great Famine // Past and Present.* Vol. 59. 1973. P. 3—50.

⁷ *Aberth J. From the Brink of the Apocalypse: Confronting Famine, Plague, War and Death in the Later Middle Ages.* New York, 2000.

⁸ См.: *Barry S., Gualde N. La plus grande épidémie de l'histoire // L'Histoire.* № 310. June 2006. P. 45—46; *Cantor N. The Civilization of the Middle Ages.* New York, 1994. P. 482; *The New Cambridge Medieval History.* P. 136—138. Эпидемии повторялись, хотя и не в таких масштабах, в 1360—1362, 1366—1369, 1374—1375 и 1400 гг.

⁹ См.: *Herlihy D. Op. cit.* P. 17; *The New Cambridge Medieval History.* P. 9.

¹⁰ *Ibid.*

производства, запустение посевных площадей, прежде всего на не самых плодородных землях, освоенных в ходе интенсивной внутренней колонизации предшествующего периода.

В таком драматическом контексте обращение европейцев к заморской экспансии на рубеже XIII—XIV вв. кажется парадоксальным. Не вызывает удивления тот факт, что демографический рост и неспособность средневековой социально-экономической системы адаптировать «излишки» народонаселения породили в XI—XIII вв. масштабную внутреннюю и внешнюю экспансию Европы практически во всех направлениях. Вполне логично и то, что Крестовые походы в значительной мере приобрели характер военно-колонизационного движения. Можно было бы ожидать, что в XIV в. резкое сокращение численности населения снимет прежнее демографическое напряжение и устранил необходимость экспансии. Так почему же у этого «мира домоседов», каким, по выражению Жака Ле Гоффа, стала Европа XIV—XV вв.¹¹, тем не менее вновь возникла потребность в расширении своего пространства и освоении (даже колонизации) новых земель?

Ответ на этот вопрос не может быть простым, ибо связан как с определенными чертами средневековой западной цивилизации, так и со специфическими последствиями кризиса XIV в. Факторы, способствовавшие возникновению этой потребности, различны, и их следует искать в разных сферах жизни европейского общества.

Тот же Ле Гофф говорит о необычайной мобильности средневековых людей, которую объясняет отсутствием собственности как материальной и психологической реальности и христианским представлением о человеке как вечном страннике на этой земле изгнания¹². Несколько утрируя, он говорит, имея в виду рыцарей XII—XIII вв.: «...все они легко покидали родину, потому что вряд ли она у них была»¹³. Действительно, неудовлетворенность средневекового человека находила разрешение в поиске, но поиске особого рода — пространственном. Эта неудовлетворенность была в его глазах сущностно связана с тем местом, в котором он находился, поэтому процесс обретения лучшей доли подразумевал передвижение в пространстве (паломничество, путешествие) и завершался обретением (временным или постоянным) нового места в этом пространстве, с которым он отныне себя ассоциировал. Перемещение в пространстве открывало для средневе-

---

¹¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 127.

¹² Там же. С. 126—127.

¹³ Там же. С. 127.

кового человека перспективу избавления — как от нынешнего, не удовлетворявшего его социального и имущественного положения, так и от консервирующих это положение тех социальных ролей, которые он должен был играть в рамках той или иной группы. Такое отношение составляло психологическую основу крестоносного движения, оно же стало психологической основой заморской экспансии конца Средневековья.

Средневековый человек, не удовлетворенный своим положением и жесткой заданностью предписанных обществом и церковью моделей поведения, испытывал потребность в движении — как реальном (по суше или морю), так и иллюзорном (в своем сознании). Мир, который рисовала его фантазия, сочетал характеристики, рожденные как христианской мифологией, так и народной культурой — воображение соединяло земной рай со сказочной экзотикой. Принцип этого конструирования был скорее негативным: оно восполняло отсутствующее, то, чего не хватало средневековому человеку в его настоящей жизни. Естественно, иллюзорный мир, к которому он стремился приблизиться, не мог располагаться в знакомом пространстве и с расширением географических знаний об *ойкумене* был обречен все более удаляться от «точки отправления» его странствий.

Кризис XIV в. резко усилил восприятие европейцами своего пространства — христианского Запада — как юдоли скорби, как земли, где они осуждены на физические и душевные страдания. Масштаб природных и социальных бедствий и их повторяемость укрепляли у людей ощущение неустойчивости самого порядка человеческого существования и ощущение беззащитности перед буйством внешних сил. Эти ощущения обострялись по мере того как основные институты, призванные защитить средневекового человека от превратностей окружающего мира, защитить и физически, и психологически, — церковь, государство, община, профессиональная корпорация — демонстрировали свою неспособность справиться с волнами катастроф. И как следствие сами эти институты утрачивали свой авторитет и погружались в кризис. Католическая церковь переживает в XIV в. один из тяжелейших этапов в своей истории¹⁴: длившееся большую часть столетия Авиньонское пленение пап (1309—1377 гг.) сменяется Великой схизмой (1378—1417 гг.). В глазах многих европейцев, воспринимавших бедствия XIV в. как небесное наказание за

---

¹⁴ См. об этом: *Cantor N.* Op. cit. P. 496—498; *Ozment S.E.* The Age of Reform, 1250—1550: An Intellectual and Religious History of Late Medieval and Reformation Europe. New Haven; London, 1980. P. 158—164.

человеческие грехи, Церковь предстает частью этой греховности: она уже перестала быть хранительницей духовного здоровья христиан, она обмирщилась, увлекшись накоплением богатств, борьбой за власть и забыв о долге перед своей паствой. Она то выполняет волю королей Франции, то раздирается соперничеством партий и честолюбивых прелатов. Дискредитация Церкви создает духовный и психологический вакуум, который верующие пытаются заполнить самыми разными способами — паломничеством к святым местам (число их резко возрастает), обращением к древним христианским способам избавления от греховности (флагеллянты) и к мистическим учениям (Мастер Экхарт и др.). Растет популярность нищенствующих монашеских орденов с их проповедью аскетизма, особенно францисканцев, распространяются еретические движения эгалитаристской ориентации (лолларды), находят большой общественный отклик идея «деполитизации» Церкви (Джон Виклиф¹⁵) и идея церковной реформы (соборное движение).

Государственная власть также слабеет. XIV век — время хронической политической нестабильности на средневековом Западе. Ускоряется процесс диссипации Священной Римской империи. Французская монархия испытывает серию потрясений — от попытки Генеральных Штатов в 1358 г. установить над нею свой контроль (Великий мартовский ордонанс) до феодальной анархии при Карле VI. Постоянные государственные перевороты сотрясают итальянские города-государства.

Этот системный кризис объясняет, почему XIV век оказывается одним из самых «бунташных» в европейской истории¹⁶. Локальные протестные движения, характерные для предшествующих столетий, уступают место массовым крестьянским и городским выступлениям — от Фландрского восстания 1323—1328 гг. до Жакерии 1356—1358 гг. и восстания Уота Тайлера 1381 г., от движения Кола ди Риенцо в Риме в 1354 г. до «мятежного шестилетия» 1378—1383 гг., когда волнения охватывают 12 городов Франции, а также Гент, Данциг, Брауншвейг, Любек и, конечно, Флоренцию. И наконец, это столетие переживает мощный взрыв преступности, особенно в период Столетней войны, — серьезная проблема для общества, издавна привыкшего к насилию.

---

¹⁵ См. о нем: *Kenny A. Wyclif*. Oxford, 1985.

¹⁶ См.: *Fourquin G. Les soulèvements populaires au Moyen-Age*. Paris, 1972; *Mollat M., Wolff Ph. Ongles bleus, Jacques et Ciompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles*. Paris, 1970.

Итак, XIV век породил достаточно мотивов для бегства средневекового человека из своего — европейского — пространства, становившегося для него все более некомфортным. Но особо некомфортным оно оказалось для мелкого и среднего дворянства. Процесс ухудшения имущественного статуса рыцарского класса активно шел еще в последней четверти XIII в., когда взлет цен и прогрессирующая инфляция значительно снизили реальную стоимость феодальной ренты, как правило выплачивавшейся крестьянами в фиксированных размерах, освященных обычаем. Вот почему мы обнаруживаем уже в тот период постоянные попытки сеньоров незаконно увеличивать объем крестьянских платежей и повинностей, часто путем фальсификации документов, а порой и с помощью прямого насилия. Кризис XIV в. нанес по рыцарству еще более сильный удар. Резкое сокращение численности класса сельских производителей ограничило для сеньоров возможности экономического давления на крестьянство: стоимость крестьянского труда возросла, и это еще более снизило их доходы. Одним из самых очевидных выходов из такой ситуации для рыцарства была война. Для английских баронов французского происхождения воспоминание об утраченных во Франции богатых фьефах стало не последним мотивом для участия в Столетней войне — как для английских, так и для французских сеньоров она во многом явилась попыткой решить проблемы, с которыми столкнулся феодальный класс в целом. Однако как раз эта война и оказалась тем историческим рубежом, за которым последовал окончательный упадок европейского рыцарства. Появление в первой половине XIV в. на полях сражений длинного уэльского лука, пробивавшего рыцарские доспехи¹⁷, лишило тяжелую рыцарскую конницу ее прежней роли ударной силы европейских армий, и она была вынуждена уступить эту роль пехоте и легкой кавалерии¹⁸. Битвы при Куртре (1302 г.), Бэннокберне (1314 г.), Моргартене (1315 г.), Креси (1346 г.) и, наконец, Пуатье (1356 г.) продемонстрировали, что рыцари утрачивают ту самую военную функцию, которая составляла социальный смысл их существования, — функцию защитников христианского мира, проливающих кровь ради торжества истинной веры¹⁹.

---

¹⁷ См.: *Cantor N.* Op. cit. P. 467; *Verbruggen J.F.* The Art of Warfare in Western Europe during the Middle Ages: From the Eighth Century to 1340. 2nd ed. Woodbridge, 1997. P. 171—172.

¹⁸ См.: *The New Cambridge Medieval History.* P. 350; *McKisack M.* The Fourteenth Century: 1307—1399. Oxford, 1959. P. 39; *Verbruggen J.F.* Op. cit. P. 111.

¹⁹ См.: *Atzbach R.* Ritter. Die militia christiana als Lebensform im Mittelalter // *Ritter, Burgen und Dörfer: Mittelalterliches Leben in Stadt und Land.* Tüchersfeld, 1997.

К концу Столетней войны основным сегментом западноевропейских армий становятся уже наемные отряды²⁰.

Это ощущение не востребоваемости рыцарства в новых условиях оказывается тем более острым, что вместе с потерей своей социальной роли этот слой теряет и свою политическую роль в обществе. Будучи прежде силой, без которой государство и монархи не могли обойтись, теперь он утрачивает рычаги давления на власть, которая уже не так зависит от его услуг, как прежде. Вот почему для европейского рыцарства XIV век явился подлинной трагедией. Именно рыцарство, как никакую другую социальную группу, это столетие бедствий поставило перед историческим выбором — уйти или измениться, приспособившись к новым условиям.

Положение рыцарства осложнялось и тем, что, оставаясь частью элиты, оно было обязано поддерживать свой благородный статус (иметь соответствующую одежду и доспехи, коня, оружие, оруженосцев и т.д.). Однако теперь сделать это было весьма непросто из-за серьезных трансформаций в средневековой экономике. К концу XIV в. сельское хозяйство постепенно и медленно выходит из состояния кризиса, и это меняет ситуацию на рынке. Рост производства в условиях демографического спада приводит к изменению баланса спроса и предложения: в отличие от конца XIII в. предложение начинает значительно превышать спрос, что обуславливает падение цен на товары аграрного сектора. В первую очередь это оказывается выгодным основным рыночным потребителям сельскохозяйственной продукции — быстро растущим европейским городам. Средние городские слои получают возможность тратить гораздо больше на приобретение других предметов потребления, что в свою очередь стимулирует развитие новых отраслей производства, экономическую специализацию регионов (масло-молочное производство в Скандинавии, овцеводство и льноводство в Англии и т.д.) и интенсификацию торговли. В этих условиях неизбежно возникают новые стандарты принадлежности к элите, новые критерии роскоши и престижного потребления. Расходы феодалов на поддержание благородного статуса резко возрастают как раз тогда, когда доходы большинства из них сокращаются. Многие рыцари сталкиваются с реальной перспективой дeroжеанции и перехода в разряд производителей или социальных маргиналов.

S. 48—51; *Hechberger W.* Adel, Ministerialität und Rittertum im Mittelalter. Oldenbourg; München, 2004.

²⁰ См.: *Cantor N.* Op. cit. P. 515; *Contamine Ph.* War in the Middle Ages. Oxford, 1984. P. 150—165; *McKisack M.* Op. cit. P. 234.

Безусловно, часть рыцарского класса пытается, порой успешно (как джентри в Англии), вписаться в новую экономическую ситуацию, переустраивая свое хозяйство и активно вовлекаясь в торговлю. Однако в целом этот класс попадает в глубокий кризис, теряя свое прежнее место в обществе²¹. Многие его представители, стремясь найти выход из возникшего тупика, прибегают к традиционному для средневекового человека, и особенно для рыцаря, способу — отправляются в странствие. В таком контексте Великие географические открытия и колониальные захваты в XV—XVI вв. можно расценивать как бегство рыцарства — обреченной на гибель социальной группы — от грозящей ему исторической участи. Не крестьянство и даже не городские слои, но прежде всего мелкое и среднее дворянство становится движущей силой европейской заморской экспансии XV—XVI вв. Именно из их среды выходит подавляющее большинство португальских капитанов XV в. — от Жуана Гонсалвиша Зарку, Антониу Фернандиша и Тристана Ваши Тейшейры до Бартоломеу Диаша и Вашку (Васко) да Гамы.

Куда же устремлялся средневековый человек в надежде обрести земной рай? Как мы уже сказали, «точка прибытия» могла находиться только вне пределов западного мира. В начальную эпоху крестоносного движения эту роль выполняла в первую очередь Палестина, Святая Земля, которая мыслилась одновременно и как место спасения, и как средоточие невероятного богатства. Это соединение в идеальном пространстве материального и духовного блаженства было свойственно и XIV в. Однако направление его поисков теперь изменилось.

Пионеры Великих географических открытий в XV в. тратили всю свою энергию на то, чтобы как можно дальше продвинуться вдоль западного побережья Африканского континента²². Вызывает удивление это настойчивое стремление пробиться — вопреки ветрам и встречным течениям, с которыми едва справлялись средневековые барки и варинеллы, — в совершенно незнакомый регион, в моря, которые, согласно средневековым представлениям, либо кишели чудовищами, либо «вечно кипели на солнце». В исторических условиях XV в. выбор этот, однако, был вполне осознанным и логичным. Он открывал европейцам единственно возможный путь к цели, которой они пытались достичь, оставался единственно возможным способом найти то место, где реализуется их мечта об иной жизни.

---

²¹ См., напр.: *Moxó S.* De la nobleza vieja a la nobleza nueva. La transformación nobiliaria en Castilla en la Baja Edad Media // Cuadernos de Historia. 1969. № 3.

²² См.: *Salentiny F.* Die Gewürzroute. Die Entdeckung des Seewegs nach Asien; Portugals Aufstieg zur ersten europäischen See- und Handelsmacht. Köln, 1991.

История средневекового Запада начиная с VIII в. — это история постоянного противостояния с мусульманской цивилизацией. Их главным полем битвы являлось Средиземноморье. В отличие от периода наступления христианского мира в эпоху Крестовых походов XIV век оказался, наоборот, временем исламского контрнаступления: к 1291 г. крестоносцев изгоняют из Палестины, экспедиции в Северную Африку терпят неудачу. Но самая главная угроза исходит из Малой Азии. В 1354 г. турки-османы начинают успешную агрессию на Балканах. Они лишают Византийскую империю практически всех ее владений и в 1394 г. осаждают Константинополь, а в первой половине 1390-х гг. завершают завоевание Болгарии. Попытка христианского мира совместными усилиями остановить турецкую экспансию, организовав в 1396 г. крестовый поход, заканчивается страшным разгромом под Никополем. Даже на Пиренейском полуострове после блистательных успехов XIII столетия Реконкиста приостанавливается, и арабы продолжают удерживать его южную часть (Гранадский эмират) и контролировать Гибралтарский пролив. Таким образом, к началу XV в. Европа оказывается плотно обложенной мусульманами с юга и юго-востока, а Крестовые походы утрачивают прежний смысл: ныне их цель не обретение Земли обетованной, но защита от наступления ислама. Мечта уступает место реальности: идея завоевания Палестины и Египта, совершенно иллюзорная в тех внешнеполитических условиях, вытесняется на обочину европейского «горизонта ожидания».

В этой геополитической ситуации резко возросла потребность христианского Запада в союзниках. Эта потребность, существовавшая и прежде, воплотилась в мечте о государстве, расположенном за пределами исламского «железного занавеса», которое, с одной стороны, является христианским или готово стать таковым, а с другой — могущественно и очень богато. Мечта о далеком христианском народе, с которым уже давно утеряна связь, стала источником возникновения легенды о царстве пресвитера Иоанна²³. Первоначально в Европе считали, что царство это находится где-то в глубинах Азиатского континента — или в Центральной Азии, или на Дальнем Востоке. Легенда о царстве пресвитера Иоанна приобрела особую популярность на завершающем этапе Крестовых походов (XIII в.), когда христиане начали проигрывать кампанию за Ближний Восток и до них начали доходить слухи о монгольских завоеваниях. Однако путешествия Плано Карпини в 1241—1247 гг. и Марко Поло в 1271—1295 гг. продемонстрировали лю-

---

²³ Об этой легенде см. литературу в сн. 301 к тексту «Канарца».

дям Запада, что монголы едва ли могут претендовать на роль их пропавших братьев по вере. В XIV в. информированность европейцев об Азии достигла такого уровня, что они уже не питали надежды обнаружить там обширное и могучее христианское государство. Поскольку географические представления того времени ограничивали земную твердь пространством Старого Света, на роль континента, где могло существовать такое государство, претендовала только Африка. Стремление найти царство пресвитера Иоанна и таким образом обойти исламский мир с фланга, зажав его в клещи, оказалось одним из основных мотивов для европейских мореплавателей XV в., упрямо двигавшихся на юг вдоль берегов Западной Африки.

Этот религиозно-политический мотив был тесно связан с другим, не менее значимым — поиском богатых земель с благодатным климатом. Там европейские рыцари смогут избавиться от нужды и избежать своей участи, там они смогут воссоздать феодальный мир в его идеальном измерении, не претерпев те несчастья, с которыми столкнулись на бедствующем Западе. Теперь, в конце XIII—XIV в., их влек уже не Ближний Восток, наглухо для них закрытый, а далекая Индия, в образе которой соединились мечты европейцев о материальном изобилии и сказочной экзотике.

Популярность индийского мифа имела реальные социально-экономические основания²⁴. Перестройка в XIV в. структуры спроса на Западе в сторону большего разнообразия и расширение сферы и масштаба торговых операций способствовали увеличению товарооборота с Востоком. Однако цены на экзотические товары из зоны Индийского океана, и прежде всего на пряности, были высокими, поскольку транспортировались через цепь коммерческих посредников (Индия — арабские торговцы — Египет — Венеция), и эта ситуация воспринималась на Западе как следствие мусульманского контроля над индийской торговлей. Таким образом, к потребности уходящего с исторической арены класса — рыцарства — в завоевании и колонизации богатых земель добавилась потребность другого, наоборот, восходящего и укрепляющего свои социальные позиции класса — купечества — в установлении прямых коммерческих связей со странами Южной Азии²⁵. Но решить эту задачу можно было только в том случае, если окажется верной все более популярная в Европе географическая концепция (восходящая еще к Страбону) о существова-

---

²⁴ См.: *Feldbauer P.* Vom Mittelmeer zum Atlantik: Die mittelalterlichen Anfänge der europäischen Expansion. Oldenbourg; München, 2001.

²⁵ Ср.: *Teyssier P.* Les cent Glorieuses // *Lisbonne hors les murs. 1415—1580. L'invention du monde par les navigateurs portugais* / Ed. M. Chandeigne. Paris, 1992. P. 31.

нии между южной оконечностью Африки и гипотетическим Южным континентом пролива, соединяющего Атлантический океан с Индийским, и, следовательно, Индии можно будет достичь, обогнув Африканский континент с юга. Упорно пробираясь в направлении «моря кромешной тьмы», как называли Атлантический океан к югу от мыса Бохадор арабские географы, пионеры Великих географических открытий надеялись отыскать не только союзное христианское царство, но и кратчайший путь к богатствам Востока.

Конечно, стремление европейского торгового класса установить новые линии связи с Южной Азией не играло определяющей роли на первом этапе заморской экспансии Запада. Несколько большее значение имел другой, более реалистичный коммерческий мотив, и он также побуждал европейцев двигаться в этом направлении. Речь идет о намерении получить прямой доступ к африканским источникам золота и рабов, которых арабские торговцы доставляли караванами в Северную Африку откуда-то с юга, из «царства черных людей», именовавшегося Гвинеей.

Способность общества решить стоящие перед ним задачи зависит, несомненно, от уровня технического развития. Ученые часто повторяют ту истину, что Великие географические открытия стали возможны, поскольку европейцы сделали ряд важных открытий и усовершенствований в картографии (портоланы) и навигационной технике (компас, каравелла). Однако, на наш взгляд, следует отметить и иной аспект этой проблемы, который часто обходят молчанием, — поиски путей к Гвинейскому заливу и в Индию, в свою очередь, стимулировали технический прогресс в морском деле. К моменту начала заморской экспансии европейцы не знали ни квадранта, ни металлической астробалии и не использовали каравеллу. Именно потребность мореплавателей в точных картах привела к появлению портолан в конце XIII в. Именно потребность в новом типе судна, способном проходить большие расстояния в открытом море, заставила португальцев создать во второй половине XV в. каравеллы с системой прямоугольных и треугольных (латинских) парусов. Именно потребность в более точном определении положения корабля в открытом море побудило Абрахама Сакуто усовершенствовать астробалию в Лиссабоне в конце XV в. Технические достижения явились и условием и результатом успехов европейских экспедиций вдоль западноафриканского побережья.

В XX в. исследователи часто выделяли особую роль торгово-экономического фактора Великих географических открытий. Нельзя не согласиться с тем, что относительная бедность средневекового Запада по сравнению с исламской и китайской цивилизациями и его стесненность

в ресурсах создавали благоприятную почву для интенсивных поисков источников сырья за его пределами. Действительно, развитие европейской экономики после медленного выхода из кризиса XIV в. наталкивалось на определенные естественные ограничители. Так, расширение объема торговых операций требовало увеличения массы денег в обращении, однако с конца XIII в. начался упадок добычи главного монетного металла — серебра в ее основных районах (Богемии, Саксонии и т.д.).²⁶ Это спровоцировало на Западе настоящий монетный голод прежде всего потому, что баланс торговли Европы с арабским миром был отрицательным: чем более возрастал спрос на товары с Востока, тем больше звонкой монеты утекало из Европы. Тем не менее на начальном этапе заморской экспансии, в XV в., экономические соображения не имели такого значения, какие они приобретут в последующие столетия. Нет никаких серьезных оснований утверждать, что Великие географические открытия стали результатом усилий торгового класса средневековой Европы.

Не были они и выражением воли европейских монархий. Исключение составляет лишь Португалия. Но даже неутомимая деятельность Энрике Мореплавателя, в течение почти сорока пяти лет посылавшего флотилии в Африку, была, скорее, предприятием частного лица, чем фактом политики португальской монархии. Только после смерти бездетного инфанта в 1460 г., когда успехи экспансии были уже очевидны, португальские короли взяли ее под свою опеку, сделав важнейшим государственным делом. Власти же других стран, по крайней мере до самого конца XV в. (до Х. Колумба и Дж. Кэбота), обычно не поддерживали заморские экспедиции, организованные их подданными (как Карл VI в истории Жана де Бетанкура), или вступали в игру, подобно Энрике III Кастильскому в той же истории, лишь тогда, когда завоевание было уже осуществлено, а выгода от него казалась бесспорной.

Таким образом, заморская экспансия средневекового Запада родилась из стремления европейского рыцарства найти — в буквальном и переносном смысле — свое место под солнцем, вернуть утраченную социальную роль и право быть в составе элиты, иначе говоря, возродить за пределами Европы свое великое прошлое. Остальные социальные слои и институты западного мира подключались к этому движению по мере его успеха, меняя его характер и социальное содержание. С расширением экспансии, особенно после открытия Нового Света, в ней оказывались задействованными самые разнообразные интересы. Усиливалось значение экономи-

---

²⁶ См.: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 228.

ческого фактора, первостепенную важность приобретала задача создания заморских империй. Но при всем том нельзя забывать, что у истоков той великой эпохи стояли прежде всего европейские рыцари, оставлявшие свои замки, снаряжавшие за свой счет или при поддержке меценатов корабли и бесстрашно отправлявшиеся в неизвестность. И первым из них, кто добился успеха на этом пути, стал Жан де Бетанкур.

II

1 мая 1402 г. из Ла-Рошели, порта на западе Франции, вышел корабль, на борту которого находился отряд во главе с нормандским рыцарем Жаном де Бетанкуром (1362—1425 гг.) и его соратником Гадифером де Ла Саллем (около 1355—1422 гг.), и взял курс на Канарские острова. В июле он подошел к острову Грасьоса, а затем бросил якорь у острова Лансароте. Здесь Жан де Бетанкур вступил в соглашение с местным правителем и добился от него позволения выстроить форт Рубикон. После этого он попытался обосноваться на соседнем острове Фуэртевентура, но был вынужден отказаться от этого проекта из-за недостатка припасов и враждебности местного населения. Получив помощь у кастильского короля Энрике III (1390—1406 гг.) в обмен на признание его сюзеренитета над Канарами, Жан де Бетанкур смог в феврале 1404 г. подчинить Лансароте, а в январе 1405 г. — Фуэртевентуру. Туземные вожди и их подданные приняли католическую веру. Доставив в мае 1405 г. партию переселенцев из Нормандии, Жан де Бетанкур приступил к колонизации двух покоренных островов, а в октябре 1405 г. основал колонии еще на двух островах в западной части Канарского архипелага — Пальме и Иерро (Фер). В декабре 1405 г. он уехал в родную Нормандию, оставив управителем четырех островов своего родственника Масио де Бетанкура, и больше уже никогда не возвращался туда²⁷.

Об этих четырех судьбоносных годах жизни первого колонизатора Африки Жана де Бетанкура и его достойной кончине мы узнаем из сочинения «Канарец»²⁸, написанного участниками похода — монахом-

---

²⁷ В 1418 г. (по другим данным, в 1419 г.) Ж. де Бетанкур отказался от своих сеньориальных прав на Канарские острова, и они окончательно отошли к Кастилии (Испании).

²⁸ *Le Canarien, livre de la conquête et conversion des Canaries (1402—1422) par Jean de Béthencourt, gentilhomme cauchois / Ed. G. Gravier. Rouen, 1874 (далее — Le Canarien).*

францисканцем Пьером Бонтье и священником Жаном Ле Веррье, перевод которого представлен в настоящем издании. К сожалению, не сохранилось столь же подробной информации о времени, предшествовавшем экспедиции. Сам Жан де Бетанкур не оставил после себя каких-либо записок, и его современники не потрудились создать хоть сколько-нибудь исчерпывающей его биографии. Тем не менее данные из официальных документов (нотариальных актов, судебных протоколов, писем и инструкций должностных лиц и пр.)²⁹ дают исследователям возможность в определенной степени реконструировать период его жизни до главного ее события.

Жан де Бетанкур происходил из древней и знатной нормандской фамилии. Род Бетанкуров — прежде всего род рыцарей, для которых воинская доблесть была высшей этической ценностью. Съёр де Бюттекур, живший в середине XI в., от которого Бетанкуры вели свое происхождение, был соратником Вильгельма Завоевателя, участвовал в покорении норманнами англосаксонской Англии и погиб в знаменитой битве при Гастингсе в 1066 г. Другой дальний предок нашего героя, живший на рубеже XI—XII вв., которого также звали Жан де Бетанкур, был участником Первого крестового похода (1096—1099 гг.). Его дед, Жан II де Бетанкур (ок. 1310—1357 гг.³⁰), и его отец, Жан III де Бетанкур (ок. 1339—1364 гг.), сложили свои головы на полях сражений Столетней войны³¹. Все Бетанкуры верно служили французскому королевскому дому. Король Франции Карл VI (1380—1422 гг.) писал в 1388 г.: «...предки <Жана де Бетанкура> всегда были нашими добрыми и верными подданными и держали нашу сторону, всегда честно и верно служили нам как во время войны, так и во время мира... отдавая этому всю свою жизнь»³².

Война была в крови у Бетанкуров. Однако до 1402 г. нашему герою не удалось прославиться на поле брани. По всей видимости, он не участвовал даже в трагическом для западного рыцарства крестовом походе против турок-осман в 1396 г., к которому присоединился цвет французской аристократии. Правда, в 1390 г. он был знаменосцем в военной экспедиции

---

²⁹ Часть из них приведена Г. Гравье в Приложении к его изданию «Канарца» (См.: *Le Canarien*. P. 201—227).

³⁰ Г. Гравье оспаривает дату смерти Жана II (1357 г.), данную П. Бержероном, и полагает, что он умер в 1352 г. (См.: *Gravier G. Introduction // Le Canarien*. P. XXXVII п. 3).

³¹ Первый пал под Арфлером в 1357 г., второй — при Кошреле в 1364 г.

³² См. документ VIII Приложения (*Le Canarien*. P. 217).

против берберских пиратов, наводнивших в то время Средиземное море, но она окончилась бесславно. Единственный его «подвиг», зафиксированный источниками, — это ограбление английского судна в Ла-Манше, тем более предосудительное, что оно имело место во время перемирия между Англией и Францией в ходе Столетней войны. Эта пиратская акция вызвала дипломатический конфликт двух стран. В августе 1401 г. англичане потребовали возмещения убытков и наказания виновных. Французская сторона пообещала провести немедленное расследование, но нормандскому рыцарю удалось избежать возмездия.

В своих владениях Жан де Бетанкур был типичным феодальным сеньором, полновластным хозяином своих земель, ревностно пекущимся о своих правах и привилегиях и не гнушавшимся для их защиты прибегать к прямому насилию. При этом он не щадил даже своих ближайших слуг. Он довел до полного разорения рыцаря Жана де Ривилия, взявшего у него в аренду часть Гренвильского леса, обвинив того в уничтожении всей тамошней живности и заставив уплатить огромный штраф³³.

Особенно большой резонанс имела история, случившаяся в 1395 г. Жан де Бетанкур приказал арестовать двух священников, заподозренных в охоте на кроликов в его лесных угодьях. Чтобы схватить их, слуги сеньора силой вломились в таверну, где в то время находились «браконьеры», несмотря на протесты ее хозяина. Священников связали, избили, бросили в темницу замка Гренвиль-ла-Тентюрьер, а затем выставили на два дня у позорного столба на рыночной площади с обнаженными головами и с убитыми кроликами на шее; после этого Жан де Бетанкур вынудил их уплатить штраф и при этом поклясться, что они будут молчать о случившемся. Такое публичное поношение духовных лиц вызвало возмущение руанского архиепископа, но Жан де Бетанкур проигнорировал и его жалобы, и жалобы местных властей, и даже осуждающие письма короля Карла VI.

Однако это была далеко не заурядная личность. Источники называют его одним из самых влиятельных сеньоров королевства. Жан де Бетанкур сделал блестящую политическую карьеру. В пятнадцатилетнем возрасте (1377 г.) он получил должность хлебодара³⁴ при дворе герцога Людовика Анжуйского (1339—1385 гг.), одного из регентов в период несовершеннолетия Карла VI, и оставался у него на службе, вероятно, до 1382 г. С 1387 г. он состоял при другом Людовике — Людовике Туренском (Орлеанском),

---

³³ См. об этом: *Gravier G.* Op. cit. P. XLV—XLVI и документ IX Приложения (Le Canarien. P. 220—224).

³⁴ Хлебодар — заведующий кладовыми.

брате короля, одном из самых могущественных людей во Франции того времени. Между 1387 и 1391 гг. он стал мажордомом³⁵ герцога и тогда же удостоился звания королевского хлебодара и оруженосца. В 1395 г. Жан де Бетанкур уже камергер короля. Длительное пребывание при дворе в годы ожесточенной борьбы за власть (особенно после помешательства Карла VI в 1392 г.) сформировало у него широкий государственный взгляд на проблемы и развило дипломатические способности, умение находить общий язык с сильными мира сего. Эти качества он использовал в полной мере как в отношениях с местным населением Канарских островов, сумев добиться лояльности большей его части, так и при переговорах с европейскими монархами³⁶, сумев получить от них необходимую материальную помощь и политическую поддержку.

К началу экспедиции социальный и политический статус Жана де Бетанкура был достаточно прочным. Он обладал большим влиянием при французском королевском дворе и имел высоких покровителей, которые помогали ему легко избегать неприятностей со стороны церковных властей, судебных органов и английских дипломатов. Он также имел связи при Авиньонском и Кастильском дворах через своего кузена Робера де Бракмона, командующего гвардией папы Бенедикта XIII и будущего адмирала Франции. По всей видимости, Жан де Бетанкур не испытывал и каких-либо финансовых затруднений. Он владел комплексом земельных владений в Нормандии и умело распоряжался своими сеньориальными правами. Перед нами отнюдь не гонимый или разорившийся дворянин, который бежит в дальние края, чтобы укрыться от врагов или суда или чтобы поправить материальное положение.

В такой перспективе его поступок кажется неожиданным и даже загадочным. Влиятельный и благополучный сеньор бросает свой дом, отказывается от высокого положения, распродает и закладывает почти все имущество, чтобы приобрести корабль, нанять команду и пуститься в плавание ради завоевания и колонизации заморских земель³⁷. Он что — авантюрист, донкихот, святой, а может быть, безумец?

---

³⁵ Мажордом — управляющий.

³⁶ С королем Кастилии Энрике III, авиньонским папой Бенедиктом XIII и предположительно с римским папой Иннокентием VII.

³⁷ Таким же образом поступает его соратник Гадифер де Ла Салль, судя по тексту инструкции, данной Карлом VI французским представителям на переговорах с англичанами в Лелингене в связи с пиратским нападением на английское судно: «Итак, если со стороны Англии последует требование, которое уже выставлялось прежде, о возмещении ущерба, причиненного в море действиями сьера де Бетанкура, они

Исследователи порой объясняют это решение психологическими причинами — усталостью от смут, раздиравших Французское королевство, и желанием обрести покой вдали от дома — или же, наоборот, чисто практическими соображениями. Наш герой, говорят они, отправился на Канары ради произраставшего там естественного пурпурного красителя — лакмусового лишайника орсель, использовавшегося в его текстильных мастерских. Эта версия вполне соответствует образу рачительного хозяина, каковым действительно был Жан де Бетанкур, однако ее опровергает сам характер экспедиции. Для получения доступа к источникам сырья совсем необязательно было осуществлять широкомасштабное завоевание архипелага, христианизировать его жителей и организовывать колонизацию. Достаточно было, как это делали португальцы и другие европейцы в Африке и Азии, устроить одну или несколько укрепленных торговых факторий. Если Жан де Бетанкур и имел какие-либо коммерческие интересы, то они являлись сугубо второстепенными.

Одним из главных мотивов, побудивших нормандского сеньора отправиться на завоевание заморских земель, стало, несомненно, амбициозное желание быть достойным своих предков, совершить подвиг и завоевать воинскую славу: ведь такую возможность идеальный средневековый рыцарь обретал прежде всего в своих странствиях. Но для рыцаря подвиг мужества был неотделим от подвига благочестия: его деяния имели ценность не сами по себе, но лишь в той мере, в какой они были угодны Богу и способствовали спасению как его души, так и душ заблудших. Эта идея была одной из краеугольных для эпохи, в которую жил Жан де Бетанкур, — эпохи поздних Крестовых походов. Поход ради веры — вот та мысль, которую неоднократно формулировал сам наш герой и которая красной нитью проходит через текст «Канарца». Идеал мужественного воина, странствующего рыцаря и одновременно миссионера был чрезвычайно значим для Жана де Бетанкура, и он хотел, чтобы именно таким его воспринимали современники. Пьер Бонтье и Жан Ле Веррье прекрасно уловили это желание и активно

должны отвечать, что названный де Бетанкур и мессир Гадифер де Ла Салль давно продали все, что у них было в королевстве, и, по их словам, отправились завоевывать острова Канарию и Анфер; оттуда они не возвращались, и неизвестно, что с ними стало» (*Bergeron P. Traité de la navigation et des Voyages de Découverte et Conquête Modernes, et principalement des François. Avec une exacte et Particulière Description des toutes les Iles Canaries, Les preuves du tems de la conquête d'icelles, et la Genealogie des Bethencourts et Braquemonts. Le tout recueilli de divers Auteurs, observations, titres et enseignemens // Voyages, faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siècles. T. 1. La Haye, 1735. P. 144; далее — Bergeron*).

работали для создания нужного образа. Вот почему они открывают свою хронику словами: «Истинно, что, слушая рассказы о великих приключениях, доблестных делах и подвигах тех, кто в прошлом отправлялся в странствия и покорял язычников в надежде исправить их и обратить в христианство, многие рыцари преисполнялись мужеством и желанием приобщить к вере и остальных неверных, чтобы те совершали добрые дела, избегали всяческих пороков, жили в добродетели и в конце своих дней могли бы заслужить вечное блаженство. Так и Жан де Бетанкур, рыцарь, рожденный во Французском королевстве, предпринял во славу Бога и ради защиты и приумножения нашей веры свое путешествие в южные земли...» Такая идеализация нормандского сеньора, ориентированная на идею подвига во имя веры, встречается и у более поздних авторов. В труде известного канарского философа и историка Хосе Вьера-и-Клавиho (1731—1813 гг.) мы читаем: «Когда <Канарские острова> стали известны Европе, еще в эпоху варварства, и когда они уже начали утрачивать свое прекрасное имя Счастливых, Провидение извлекло из глубин Нормандии человека, которого им суждено было иметь первым сеньором. В определенном смысле Жан де Бетанкур — великий человек. Его осторожность, его доблесть, его приветливость, его умение управлять умами и завоевывать самые дикие сердца, его высокое происхождение и даже его родная земля — все, кажется, способствовало его славе. К мужественной внешности, возвышенным мыслям, бесстрашному, твердому и решительному сердцу, к мягкой и снисходительной душе добавлялась страсть к рыцарским подвигам. Наш герой нес на себе печать своего века, его доблести и благочестия»³⁸.

Проблема веры, однако, имела для нормандского сеньора прежде всего политическое значение. Христианизация туземцев являлась неотъемлемым и важным моментом в процессе завоевания — именно обращение в католицизм правителей и основной массы населения означало, что это завоевание состоялось, что власть де Бетанкура действительно признана и что его новое владение включено в христианский мир. Не случайно последним актом «канарского проекта» Жана де Бетанкура стал визит к римскому папе Иннокентию VII в начале 1406 г.³⁹, от которого он добился назначения на острова епископа — тем самым Канары де-юре вошли в систему церковных отношений католического Запада.

---

³⁸ *José de Viera y Clavijo*. Noticias de la historia general de las islas de Canaria. Madrid, 1773. Т. 1. P. 375. Перевод наш. — *И.К. и Е.К.*

³⁹ Хотя этот визит ставится под сомнение, неоспоримым фактом остается назначение Римом епископа на Канарские острова в 1406 г.

Надо полагать, что, осуществляя свою экспедицию, Жан де Бетанкур брал за образец вождей Первого крестового похода. Он стремился создать на новых землях собственное королевство, как это сделали крестоносцы в Сирии и Палестине, и при этом обрести славу одновременно и великого завоевателя, и спасителя душ идолопоклонников, и цивилизатора диких племен. Это предприятие должно было принести нашему герою как богатство, так и статус монарха, что поставило бы его на один уровень с остальными коронованными правителями Европы. Правда, он не преуспел ни в том ни в другом.

Почему же нормандский сеньор выбрал именно Канары? Весьма вероятно, что передаваемая от поколения к поколению древняя легенда о Счастливых, или Блаженных, островах⁴⁰, расположенных где-то за Геркулесовыми столбами (Гибралтарским проливом), тревожила его воображение и побуждала к их поискам. Однако в реальности у него фактически не было выбора. Дело в том, что для наследников крестоносцев Канарский архипелаг был в то время единственной заморской землей, которую они могли захватить и колонизовать. Их не привлекали суровые северные страны, путь на Восток после неудачи Крестового похода 1396 г. был для них закрыт, североафриканское побережье цепко держали в своих руках арабы и берберы, а западный берег Африки оставался труднодоступным и еще малоизведанным. Канарские же острова неоднократно посещались европейскими моряками, по крайней мере, с 1291 г. Дорога к ним, их природные и климатические условия были хорошо известны не только итальянцам, испанцам и португальцам, но и нормандским купцам и пиратам. Несмотря на скудность сохранившихся свидетельств, мы знаем, что нормандские корабли совершали плавания к Канарским островам, по крайней мере, в 1364—1365, 1380, 1381 и 1383 гг.⁴¹ и, по всей видимости, Жан де Бетанкур располагал о них достаточно полной информацией⁴². Канарские острова являлись единственным местом, куда он и его товарищи могли отправиться с определенным шансом на успех.

---

⁴⁰ См.: *Bergeron*. Ch. VI. P. 14—15.

⁴¹ См.: *Villault de Bellefond*. Relation des Costes d'Afrique, appelées Guinée. Paris, 1669. P. 410—423.

⁴² В протоколе расследования, проведенного в 1476 г. по указанию кастильской королевы Изабеллы I (1474—1504 гг.), говорится: «Жан де Бетанкур получил в Нормандии сведения об этих островах из уст нескольких французов, искателей приключений, особенно от двух из них, совершавших набег вместе с испанцем Альваро Бесеррой; именно их <рассказы> и побудили нормандского барона принять решение об их завоевании». Цит. по: *Avezac M.-A.-P. d'*. Iles de l'Afrique. Paris, 1848. Part. II. P. 154.

То, что происходило на Канарах в 1402—1405 гг., может на первый взгляд показаться не столь значительным. Действительно, речь шла о захвате группой французов даже не всего архипелага, а только части его, причем не самой ценной: наиболее крупные, населенные, богатые и привлекательные для колонизации острова Гран-Канария и Тенерифе (Анфер) им подчинить не удалось. К тому же французы не смогли удержать Канары в своих руках, и уже в 1418 г. им пришлось уступить их кастильцам. Неудивительно, что в глазах потомков предприятие Жана де Бетанкура оказалось в тени более поздних грандиозных португальских и испанских экспедиций вдоль западного побережья Африки, в Индию и Америку, а его имя заслонили имена Бартоломео Диаша, Вашку (Васко) да Гамы, Христофора Колумба и Фернандо Магеллана.

Однако события 1402—1405 гг. по своему историческому значению ничем не уступают всем последующим великим открытиям и завоеваниям заморских земель, ибо Жан де Бетанкур первым совершил то, на что не осмеливались его средневековые предшественники — итальянские, португальские и испанские мореплаватели. Если те бороздили воды у северо-западного побережья Африки ради поиска новых путей для торговли или просто ради грабежа и захвата рабов, то нормандский рыцарь сделал нечто принципиально новое — он включил первый кусочек «Нового Света» в систему европейских социально-политических и церковных отношений, тем самым присоединив его к средневековому христианскому Западу. Именно с него начинается растянувшаяся на пять столетий эпопея покорения европейцами всего остального мира.

Канарец, или Книга о завоевании Канарских островов и обращении их жителей в христианскую веру Жаном де Бетанкур, дворянином из Ко, составленная монахом Пьером Бонтье и священником Жаном Ле Веррье [Текст] / пер. со среднефр., вступ. ст., коммент., прим. и сост. указ. И. В. Кривушина и Е. С. Кривушиной ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 281, [3] с. — Прил.: с. 207—248. — Указ. имен: с. 249—261. — Указ. геогр. названий: с. 262—275. — Библиогр.: с. 276—281. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0618-9 (в пер.).

Это первое научное отечественное издание и первый перевод на русский язык сочинения «Канарец, или Книга о завоевании Канарских островов и обращении их жителей в христианскую веру», составленного двумя нормандскими клириками П. Бонтье и Ж. Ле Веррье в начале XV в. В нем описывается экспедиция французских рыцарей под началом барона Жана де Бетанкура (1402–1405 гг.), завершившаяся покорением и колонизацией Канарского архипелага — событие, ставшее исходным пунктом истории Великих географических открытий и первым звеном в истории создания европейских колониальных империй. Книга содержит две вступительные статьи («Жан де Бетанкур и его время», в которой дается характеристика эпохи Великих географических открытий и биография Бетанкура, и «Канарская книга в истории и литературе»), подробные комментарии и примечания, а также приложение, включающее перевод пяти глав «Трактата о мореплавании и новейших путешествиях» французского ученого первой половины XVII в. Пьера Бержерона.

Для историков и литературоведов, а также широкого круга читателей — политологов, филологов, журналистов, культурологов.

УДК 913
ББК 63.2

Научное издание

КАНАРЕЦ

или Книга
о завоевании Канарских островов
и обращении их жителей
в христианскую веру
Жаном де Бетанкуром, дворянином из Ко

составленная монахом Пьером Бонтье
и священником Жаном Ле Веррье

Перевод со среднефранцузского

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*
Редактор *Н.В. Курпьянова*
Макет: *О.А. Быстрова, О.А. Шестопалова*
Художник обложки *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*
Корректор *Ф.Н. Морозова*

В оформлении обложки использованы миниатюра XV в.
«Плавание Жана де Бетанкура» и герб Бетанкуров

Подписано в печать 14.12.2008. Формат 68×90 1/16
Гарнитура Surpriz. Усл. печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 600 экз.
Заказ № . Изд. № 979

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0618-9

9 785759 806189